

Наталья Жилина
(Калининград)

МОТИВ ПРОЩЕНИЯ В РУССКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Рассматриваются произведения двух известных в первой трети XIX века русских поэтов, объектом изображения в которых стало нарушение главными героями шестой библейской заповеди – убийство. Анализ сюжетно-композиционной структуры обеих поэм в аксиологическом плане позволяет показать, что центральной для них является проблема прощения врагов – абсолютно безнравственных людей, преступающих моральные законы и творящих зло.

Ключевые слова: русская романтическая поэма, Козлов, Иноземцов, убийство, злодеяние, прощение, аксиология, дружба, любовь, грех.

Одно из главных преступлений в сознании человечества с библейских времен, как известно, – убийство (нарушение шестой заповеди), и именно оно становится центральным событием в сюжетной организации многих русских романтических поэм, где изображение этого страшного злодеяния находится в самой тесной взаимосвязи с проблемой прощения. Само слово *прощение* в словаре В. И. Даля расположено в гнезде слова *простой*, то есть «порожний, пустой, ничем не занятый», поскольку *прощать*, *простить* означает «делать простым от греха, вины, долга; извинить, отпустить кому провинность, снять с кого обязательство, освободить от кары, от взы-

сканья; примириться сердцем, не питая вражды за обиду, переложить гнев на милость; миловать» [3, с. 512—513]. В этимологическом словаре Н.М. Шанского можно найти подтверждение этому толкованию: «Простить. Общеслав. Образовано с помощью суф. —*ити* от *простъ* (совр. *простой*) в значении “свободный”, которое в др.-русск. языке еще у этого слова имелось» [6, с. 370]. Таким образом, в русском языке зафиксировано двойное воздействие этого волевого душевного импульса: прощение освобождает согрешившего, обидчика, но и в сердце обиженного устанавливает покой, также освобождая от бремени обиды.

Свидетельством того, насколько *трудно* дается человеческой душе прощение, служит вопрос, заданный Спасителю одним из апостолов: «Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз?» Ответ Христа показывает, в свою очередь, насколько *важно* прощение для человеческой души: «Иисус говорит ему: не говорю тебе: “до семи”, но до седмижды семидесяти раз» (Мф. 18: 21—22). Вот какое толкование этого фрагмента дается в книге известного богослова начала XX века: «Книжники учили, что прощать можно только три раза; но Христос требовал от Своих последователей большей праведности. Поэтому Петр, желая превзойти праведность книжников, но не вполне еще усвоив дух учения Христа, спрашивает: не достаточно ли будет прощать до семи раз? Христос учил, что надо прощать всегда, неограниченное число раз; сколько бы раз брат твой ни обижал тебя, ты каждый раз должен прощать его; ибо если ты не простишь брату в двадцатый или сотый раз или вообще когда-либо, то несомненно нарушишь заповеди о любви и прощении. Вот почему на вопрос Петра Иисус ответил: “до седмижды семидесяти раз”, то есть до 490 раз. Не устанавливая никаких пределов или границ прощению, Иисус употребил такое выражение потому, что едва ли возможны случаи такого множества обид со стороны одного человека по отношению к одному и тому же ближнему ему; поэтому слова “до седмижды семидесяти раз” надо понимать в смысле бесконечного числа раз» [1, с. 403—404]. Не лишним будет вспомнить, что идея необходимости прощения — одна из главных в самой важной и первостепенной для каждого христианина молитве Господней «Отче наш», как известно, оставленной ученикам самим Спасителем (Мф. 6: 7—13).

Становится понятно, что проблема прощения не случайно оказалась в центре внимания многих русских писателей XIX века, в том числе и работавших в жанре романтической поэмы. Одним из них стал И. И. Козлов, чья поэма «Чернец» (1825) была восторженно встречена как критикой, так и читателями, среди которых были В. А. Жуковский и А. С. Пушкин.

Композиция этой поэмы организована по типу рассказа в рассказе. Повествование ведется от первого лица и представляет собой предсмертную исповедь монаха («чернеца»), повествующего своему духовнику о многострадальной и грешной жизни. Будучи сиротой, герой Козлова с юных лет познает одиночество и живет, не зная ласки от родных людей и радостей любви. Нельзя не отметить, что он при этом не испытывает зависти к другим, более счастливым, как, например, братья-разбойники в поэме Пушкина. Повзрослев, герой встречается прекрасную девушку, родители которой перебрались из столицы в родные места. Полюбившие друг друга молодые люди получают родительское благословение на брак и готовятся к свадьбе. Неожиданно тяжелая болезнь поражает мать девушки, и вскоре она умирает. В имение к отцу приезжает дальний родственник, когда-то сватавшийся к его дочери, но отвергнутый. Пустив клевету против жениха, он склоняет отца изменить свое решение и отказать тому в руке дочери. Поняв, что их любви угрожает беда, герой увозит свою возлюбленную и тайно, против воли отца, венчается с нею.

О, как мы с нею жизнь делили!
Как, утесненные судьбой,
Найдя в себе весь мир земной,
Друг друга пламенно любили! [5, с. 169] —

вспоминает герой. В ожидании рождения младенца, они надеются на отцовское прощение, но получают ложную весть о его проклятии, сообщенную злодеем. Сраженная этой вестью, умирает молодая мать, а за нею и младенец. После тяжелой болезни герой покидает родные места и проводит в скитаниях семь лет, не желая и не пытаясь освободить душу от горестного чувства:

И горе было наслажденьем,
Святым остатком прежних дней;
Казалось мне, моим мученьем
Я не совсем расстался с ней [5, с. 170].

Наконец, утвердившись в мысли, что его любимая пребывает в раю, он находит покой своей измученной душе:

Забыл я, верой пламеня,
Мое несчастье и злодея:
Она с младенцем в небесах
Мечталась сердцу в райских снах [5, с. 171].

Живя надеждой соединиться на небесах с любимой и испытывая только одно желание — «быть чистым, как она» [5, с. 171], герой в предчувствии скорой смерти возвращается в родные места. Поблизости от могилы жены и сына он встречает молодую крестьянскую семью, возвращающуюся с жатвы: на телеге «между снопов // Сидит в венке из васильков // Младенец с альми щеками» [5, с. 173]. В тоске и безумии герой бросается к родной могиле с желанием лечь в нее и остаться там навсегда. В беспомощности пролежав на кладбище до ночи, он встает и идет к дороге, чтобы через несколько шагов встретить на ней всадника. При свете луны узнав в нем злодея, «убийцу сына и жены» [5, с. 174], герой в исступлении наносит ему удар кинжалом. Этот поступок, совершенный в неистовом порыве, повергает героя в полное отчаяние. Все последнее время он жил надеждой на соединение с любимой в потустороннем мире — теперь эта надежда представляется ему абсолютно неосуществимой:

Теперь — до гроба жить ужасно!
За гробом — вечность без нее! [5, с. 175].

Объектом поэтического изображения в поэме Козлова становится человек, измученный трагической внутренней борьбой. Его чистая душа, изначально свободная от бунтарских наклонностей, не выдерживает тяжелых жизненных испытаний. Стремясь противостоять злым силам, мешающим его земному счастью, он решает подчинить себе обстоятельства, противостоять судьбе, но не может устоять перед нею. Лишенный земного счастья, герой не готов усмотреть в событиях, происшедших с ним, руку Провидения, не в силах внутренне смириться и предаться до конца воле Божией. Стоит отметить, что от внимания автора не укрывается тот психологический парадокс, который в дальнейшем был художественно исследован Ф.М. Достоевским: герой получает своеобразное наслаждение своим страданием.

Обида на мир, отнявший главную и единственную ценность на земле — его возлюбленную — сосредоточивается в сознании героя на фигуре *злодея* — человека, виновного во всех его несчастьях. Поэтому самой трудной для него оказывается проблема *прощения врага*, которому он полностью отказывает в главном для человека качестве — способности любить:

Нет, не горит огонь священный
В душе, пороком омраченной.
Не видно звезд в туманной мгле:
Любовь — святое на земле [5, с. 168].

Таким образом, герой берет на себя роль высшего судии, готового миловать и карать виновных. Как пишет один из исследователей, «любовь — главный и ведущий сюжетный мотив поэмы. Козлов изображает ее как всепоглощающую страсть. Романтический герой находит в ней осуществление своей мечты о счастье, которое он не в силах обрести в неустроенном и жестоком мире. Поэтому гибель любимой женщины становится для чернеца сокрушительной катастрофой, апогеем душевной драмы» [2, с. 44]. Чувство к любимой возносится им на самый высокий уровень сакральности, а сама она предстает в его сознании непорочным существом, наделенным ангельскими чертами:

С какой невинностью святою
Она пылающей душою
Лила блаженство на меня!
И кто из смертных под луною
Так мог любить ее, как я? [5, с. 167].

Единственная цель не только земной, но и небесной жизни, на которой сосредоточен герой Козлова, — это соединение с любимой. Только этим он живет после ее смерти, только для этого он старается сохранить свою душу от пороков и страстей. Сама же любовь превращается в захватывающую все его мысли и чувства непреодолимую страсть. Сфокусировавшись на одной цели — соединении с любимой — он забывает обо всем остальном, впав в состояние подлинного безумия, хотя в какой-то степени и сам способен осознать неистовость и аномальность своей страсти. Герой не в состоянии понять, что освобождение от порочных, греховных влечений возможно лишь при желании, стремлении и упорном направлении своей воли к очищению от них собственной души. Сама жизненная цель героя — очиститься от греха — оказывается дискредитированной ложной идеей, владеющей его душой. С этим связано и его раскаяние, в котором отсутствует прощение врага:

То знает совесть, видит Бог,
Хотел простить — простить не мог [5, с. 174].

Так в сознании героя происходит смешение и подмена понятий: христианская любовь, в идеале лишенная эгоистического начала, объектом коей должен быть любой ближний, не исключая и врага, замещается безумной страстью, в ее объекте сосредоточивается для него весь мир. Потеря любимой означает утрату главного смысла жизни, что полностью противоречит христианским установкам. Даже уйдя от мира в монастырь и приняв постриг, то есть, казалось бы, полностью

посвятив себя и свою жизнь Богу, герой в действительности фокусируется на одной идее: соединиться в вечности со своей возлюбленной. Поэтому высшей наградой для него становится видение любимой, зовущей его и обещающей небесное прощение.

Финал поэмы звучит умиротворяюще, и связано это с тем, что в нем изменяется пространственная позиция повествователя и ракурс изображения становится иным, приобретая широту и размах и включая в свою картину других людей: услышав похоронный колокольный звон, начинает молиться об усопшем праведный схимник, в рыбацкой хижине мать крестит своего младенца, разбуженного этим же звоном, и творит над ним молитву, слышат звук колокола и «путник с милою женой» [5, с. 178], которых ночь застигла в поле, — перекрестившись, они продолжают свой путь. Таким образом, *крестное знамение*, по существу, заключающее поэму, возникает как символ *спасения* от ложных ценностей, подстерегающих каждого человека на его земном пути.

Произведение И.И. Козлова оказало большое влияние на современников, что особенно заметно в художественной организации поэмы П. Иноземцова «Ссылный» (1833). Выбрав для эпиграфа уже цитированные строки Козлова («То знает совесть, видит Бог, // Хотел простить, — простить не мог»), автор здесь дает ключ не только к событиям (главным из которых становится убийство), но и к характеру главного героя.

Композиционно эта поэма организована так же, как и предыдущая: это рассказ в рассказе. Действие начинается в Сибири, на каторге: ночью в тюрьме старик, уже очень давно отбывающий наказание, просыпается от каких-то звуков, которые не сразу может распознать. Наконец он понимает, что это заглушаемая рыданиями молитва, доносящаяся из угла камеры. Приглядевшись, он видит там недавно поступившего молодого человека, обычно очень замкнутого и неразговорчивого. Старик предлагает ему облегчить душу признанием, и юноша рассказывает о событиях, приведших его сюда. Имени своего он не называет, но признается, что родина его — Украина. После смерти матери, последовавшей еще в его младенчестве, герой остался с любящим отцом, который сам занимался его воспитанием. По соседству с ними жила вдова Пригорская с сыном и воспитанницей Ольгой. В 18 лет начинаются душевные метания героя: перед ним встают мучительные вопросы бытия и проблемы главных ценностей жизни:

Душе был тесен этот мир;
Он душным, мрачным ей явился;
Она рвалась, над ней носился
Ее таинственный кумир [4, с. 26].

В это время он все чаще посещает Пригорских и, наконец, понимает, что его сердце переполнено сильным и глубоким чувством к Ольге. В ответ на свое признание он узнает о взаимности. Влюбленные получают благословение старших и заняты подготовкой к предстоящей свадьбе, но начало войны с Турцией рушит их планы, заставив отложить «брачный пир». Несмотря на то что сын — единственная отрада постаревшему отцу, тот сам предлагает ему отправиться воевать, указывая при этом на пример Федора Пригорского, уже вступившего в армию. «Душа любви как не знавала — // Любовь я славой заменил» [4, с. 37], — вспоминает герой об этом периоде своей жизни. Молодые офицеры попадают в одну воинскую часть, и в бою герой спасает Пригорского, отбив его у окруживших мусульман и получив при этом тяжелое ранение. Война заканчивается победой русского царя, вся Россия славит государя. Герой торопится домой, к отцу и возлюбленной, и возвращается не долечившись. Радость встречи омрачается тем, что свадьбу снова приходится отложить из-за открывшейся раны. Через некоторое время герой начинает замечать в поведении Ольги странные изменения: она скучает и грустит, под разными предлогами откладывает свидания и все реже встречается с ним. Однажды, заехав к Пригорским, он застал в доме только вдову, из слов которой понял, что Ольга с Федором находятся в саду. Выйдя туда и подойдя неслышно к беседке, откуда его не было видно, он услышал звуки поцелуев и слова, из которых понял: молодые люди стовариваются бежать. Однако не это было главным: признаваясь Пригорскому в своей давней страсти к нему, Ольга с пренебрежением отзывалась о своем женихе, а Федор ее поддерживал:

... Соперник твой...
Мечтатель этот... сожаленья,
А не любви достоин он —
Он мне и жалок, и смешон. —
Но он достоин и презренья, —
шептал Пригорский... [4, с. 48].

Не помня себя, герой выхватил кинжал и нанес обоим смертельные раны. В ужасе от содеянного он бросился прочь от этого места, убежал в рощу и скитался по ней, пока не упал без чувств, а очнувшись утром, не мог поверить в случившееся. Увидев отца, он хотел броситься ему на шею, но тот оттолкнул его со словами:

Злодею
Я не отец!.. Ему закон
Готовит праведное мщение.
Несчастный сын! Ты посрамленье
Седой главе моей нажил;
Ты дряхлый век мой отравил,
Но не кляню тебя. Несчастный!
Прости, молись — пусть грех ужасный
Забудет Небо [4, с. 51].

Вскоре после того, как сын был осужден и отправлен на каторгу, старик-отец умер в одиночестве.

Таким образом, в поэме П. Иноземцова, как и у И. Козлова, в центре событий — молодой человек с чистой и открытой душой. Его доверчивость становится главной причиной тех страшных событий, которые с ним произошли. Главная нить внутреннего сюжета в поэме Иноземцова — эволюция героя от детской восторженности к полному разочарованию в людях, причиной чего становится измена возлюбленной с его другом, которому он в свое время на войне спас жизнь. Думая об этом, герой не может удержаться от негодования:

А он, невинность развращая,
Поправши совесть, чести долг,
Святыней дружбы пренебрег! [4, с. 53].

По своему мировосприятию Ссылный напоминает Владимира Ленского: как и у пушкинского героя, тотальное разочарование — прямое следствие того восторженного состояния, в котором он пребывал ранее. Представляя свою избранницу земным воплощением небесного идеала, герой не может вообразить в ней никаких недостатков, отвергая саму мысль о каких-либо греховных свойствах ее натуры. В его сознании любимая девушка, будучи наделенной только идеальными качествами, была воплощением лишь самых высоких и светлых начал:

Творец! Как пламенно любил я!
С какой уверенностью в ней
Мое блаженство находил я!
Творец! В младых ее очах
Я зрел Тебя на небесах [4, с. 53].

Убедившись в предательстве людей, пользовавшихся его безграничным доверием, герой сделал вывод: друг и возлюбленная — носители зла, с которым невозможно мириться, которое просто необходимо уничтожить. Тем не менее, предъявляя им обвинение, он и свое состояние, и свои поступки воспринимает в категориях христианской нравственности:

Я слушал — душу озарял
Ужасный свет! То удалялся,
То приближался я; весь ад
Толпился в грудь мою... [4, с. 49].

Совершенно очевидно, что для него самого убийство — тяжелейший грех, на это способен лишь человек, презревший все божеские и человеческие нравственные принципы. Вспоминая о том, что было с ним после совершения убийства, герой признается:

Пред телами
Стоял я долго. Что потом —
Не помню: в бешенстве своем,
Как Каин, в роще я скитался... [4, с. 49].

Сравнение с Каином не может быть случайным, оно выявляет систему ценностей героя: даже воспринимая Федора как врага, носителя зла, Ссылный все-таки ощущает себя братоубийцей. Столкнувшись со злом, он полностью теряет веру в людей. Двоемирие, свойственное романтическому сознанию, проявляется у этого героя как нельзя более ярко и отчетливо, что находит свое выражение в мыслях, высказанных им старику:

Что жизнь? Безумная тревога,
Однообразная дорога
Надежд, желаний и грехов.
Что люди? Жалкий круг слепцов,
Злодеев гнусных и притворных,
Страдальцев, вечно непокорных,
Толпа бессмысленных детей.
Есть мир другой — мир лучших дней;
Там нет измены, нет печали;
На лоно той священной дали
Не вступит злоба [4, с. 55].

Страдания героя вызваны еще одним важным фактом. Будучи глубоко верующим человеком, он воспринимает убийство как страшное злодеяние, но при этом никак не может примириться с мыслью о себе

как о законченном злодее, поскольку в его сознании *злодей* – это человек, полностью отвергающий нравственный закон.

Этические принципы главных героев в той и другой поэме входят в противоречие с их поступком, который, по их убеждению, совершен в отношении абсолютно безнравственных людей. Глубокое раскаяние в самом убийстве не может не сочетаться с внутренним психологическим сопротивлением при воспоминании о коварстве и лжи тех, кого герои лишили жизни. Чернец Козлова и Ссылный Иноземцова не приемлют саму идею прощения злодеев и до конца не верят в то, что сами могут быть прощены Высшим Судией. Возникает ситуация, ставшая одной из главных в творчестве М. Ю. Лермонтова, а через несколько десятилетий оказавшаяся в центре внимания Ф. М. Достоевского.

Список литературы

1. Гладков Б. И. Толкование Евангелия. СПб., 1913.
2. Гликман И. Д. И. И. Козлов // Козлов И. И. Стихотворения. Л., 1956.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1955. Т. 3.
4. Иноземцов П. Ссылный: русская повесть. Харьков, 1833.
5. Козлов И. И. Чернец // Русская романтическая поэма. М., 1985.
6. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка : пособие для учителя / под ред. С. Г. Бархударова. М., 1971.

Natalya Zbilina

THE MOTIF OF FORGIVENESS IN THE RUSSIAN ROMANTIC POETRY OF THE FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURY

This article considers works of two famous Russian poets of the first third of the 19th century. Both works depict the violation of the sixth commandment - 'thou shalt not kill'. An axiological analysis of the plot and composition structure of both poems shows that the central problem is forgiving enemies – completely amoral persons that violate moral laws and do evil.

Key words: *Russian Romantic poem, Kozlov, Inozemtsev, murder, wrongdoing, forgiveness, axiology, friendship, love, sin.*